

«Волнения слёзы» в поэзии Б.Л. Пастернака

© С. Ю. АРТЁМОВА,
кандидат филологических наук

Статья посвящена частотности, повторяемости и специфике мотива слёз в поэзии Пастернака. Интересно, что слёзы упоминаются не только в связи с характеристикой людей или природы, но и в автопсихологических монологах лирического героя, причем плачет он в том числе и по поводу собственной смерти. Достаточно редкий в поэзии XIX–XX веков мотив интересен не только сам по себе, но и в сочетании с другими мотивами, такими, как мотивы жизни и творчества.

Ключевые слова: мотив, жанр, поэзия Пастернака, сочетание мотивов.

Article focuses on the incidence, frequency and specificity of existence motive tears in Pasternak's poetry. Interestingly, the tears are mentioned not only in relation to the characteristics of the people or of nature, but also in autopsychological monologues lyrical, and he was crying including about

his own death. Quite rare in poetry XIX–XX centuries motive is not only interesting in itself, but in combination with other motives, such as the motives of life and creativity.

Key words: motive, genre, poetry Pasternak, a combination of motives.

Мотивы лирики Б.Л. Пастернака не раз становились объектом исследования литературоведов и критиков, и мотив слез не стал исключением. Его появление возводят обычно к традиции романтической или даже сентименталистской (слезы как знак чувств героя, знак любви, «страдание от полноты» сил, от избытка счастья [1. С. 216–217]), комментируя такую повышенную чувствительность близостью поэта к музыке и иными биографическими ссылками. Однако подробно этот мотив никогда не рассматривался, и потому разговор о нем сегодня уместен. Более того, нам кажется, что исследование этого мотива позволяет приблизиться к разгадке системы образов в поэзии Пастернака, поскольку его творчество имеет «ряд определяющих особенностей, которые сообщают... узнаваемость, неповторимость» [2]. Возможно, частотность мотива плача связана с жанровыми предпочтениями автора, в частности, с жанром элегии и баллады [3]. Однако, как нам представляется, дело не только в этом.

Выявление частотности тех или иных слов-мотивов в поэзии Пастернака показывает, что «Пастернак стоит особняком» [4], что частотность позволяет говорить не только о том, что важно в художественном мире поэта, но и о том, что отличает его от других.

Упоминание слез – более тридцати во всех лирических книгах, из них только в «Сестре моей – жизни» – десять [2, приложение к главе 11], причем важно, кто и по какому поводу слезы проливает.

Самая частотная группа – *Слезы мира*, они упоминаются восемь раз (плачет дождь, ветер, сад, природа): «Зеркало», «Ты в ветре, веткой пробующем...», «Определение поэзии», «Mein Liebchen, was willst du noch mehr?», «Давай ронять слова...», «Весна», «Город», «Ветер».

Затем по частотности следуют *Слезы персонажа (лирического героя)*, где упоминаются семь раз: «Памяти демона», «Уроки английского», «Заместительница», «Уральские стихи (2. Рудник)», «Душа», «Когда разгуляется», «Музыка».

Кроме того, можно говорить о группе, в которой речь о слезах мира неотделима от слез людей вообще и лирического героя в частности – *Слезы мира и слезы людей* – в стихотворениях «Весна», «Вакханалия», «Нобелевская премия», «Плачущий сад», «Имелось», «Вариации (3)», «Уральские стихи (1. Станция)», «Весеннюю порою льда...».

Интересно, что мужских слез такое же количество, как и женских: *Женские слезы* – в стихотворениях «Марбург», «Любить, – идти, – не

смолкнул гром...», «Разрыв», «Зимнее утро», «Не волнуйся, не плачь, не труди...». *Мужские слезы* – в стихотворениях «Февраль. Достать чернил и плакать!», «Петербург», «Я понял жизни цель и чту...», «Вариации (2) “Подражательная”», «Годами когда-нибудь в зале концертной...». Дважды упоминаются совместные *Слезы лирического героя и возлюбленной*: «Елене», «Белые стихи».

В нашей статье рассматривается небольшая группа стихов, объединенных семантикой плача по поводу собственной смерти. Мотив этот появляется у Пастернака довольно поздно, в книге стихов «На ранних поездах» (1936–1944), впервые – в стихотворении «Ложная тревога»:

...Когда рыданье вдове
Относит за бугор,
Я с нею всю кровью
И вижу смерть в упор.
Я вижу из передней
В окно, как всякий год,
Своей поры последней
Отсроченный приход.
Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима [5].

Герой вместе с природой, погружающейся в неизбежный сон, наблюдает приход собственной смерти, и ему кажется, что вдова за рекой голосит по нему. Внешний мир, описанный в стихотворении («погост за рекой», «желтый ужас листьев»), – это одновременно и внутренний мир лирического субъекта, его приближающееся будущее, которое он «всякий год», осенью прозревает. Хотя речь идет о слезах вдовы, однако в то же время это первое упоминание о собственной смерти и ужасе по этому поводу.

Так, уже в 40-е годы в поэзии Пастернака появляется мотив ухода, который сам поэт и оплакивает. При этом смерть представлена как бы со стороны, «объективно»: не «я чувствую, что умру», а «на жизнь мою... уставилась зима». Зима символизирует смерть.

Расцвета этот мотив достигает в последней книге стихов «Когда разгуляется» (1956–1959). Стихотворение «Август», по сути, представляет собой развернутый плач по поводу собственной кончины.

В этом стихотворении, как и в предыдущем, смерть смотрит на человека:

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Снова возникает мотив наступающей осени (хотя стихотворение и называется «Август», в нем упоминается «осень, ясная, как знаменье», лес горит, «как печатный пряник»). Правда, собственная смерть лишь снится лирическому субъекту:

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Но это своего рода сон-репетиция, предошущение грядущего.

Вновь возникает ситуация, когда герой лицом к лицу сталкивается со смертью. Но, несмотря на это, голос лирического субъекта звучит и слышен всем. Неслучайно вновь возникает эффект отстранения, объективизации ситуации, на которую герой взирает как бы со стороны, лишь в финале произнося слова прощания с миром. Так слезы по поводу собственной смерти становятся и слезами прощания с творчеством:

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Стихотворение «Август» воплощает в себе мотив слез героя по поводу собственной смерти наиболее полно. Мотив этот соседствует с мотивами осени, прощания и последнего слова, образуя целостную систему.

Так, оплакивание собственной смерти возникает и в более раннем стихотворении «Ветер» (из «Стихов Юрия Живаго»). По воспоминаниям Ольги Ивинской, стихотворение посвящено ей. Уже ветер плачет по поводу смерти героя и тоски его возлюбленной («Я кончился, а ты жива»). При этом ветер стремится доделать то, что не успел сделать лирический субъект – найти слова для утешительной песни:

И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу. {...}
И это не из удалства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

Мотив слез по поводу собственной смерти не столько помогает обнажить чувствительность лирического субъекта, сколько соотносит его с реальностью, позволяет сблизить героя и мир и сформулировать объективную роль творчества поэта. Этот же мотив приобретает особую выразительность и значимость в стихотворении «В больнице». Его начало рассказывает о герое в третьем лице, это уже «он»:

Как вдруг из распросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живой.

Время года здесь не названо, но упомянутый дождь, машущий веткой клен и «рдеющая» застава позволяют соотносить его с концом лета или осенью:

Там в зареве рдела застава,
И, в отсвете города, клен
Отвешивал веткой корявой
Больному прощальный поклон.

Ситуация осознания конца, структура стихотворения с финальным монологом позволяют соотносить «В больнице» с «Августом», вписать в ряд стихотворений о творчестве, слезах и смерти:

О Господи, как совершенны
Дела твои, – думал больной, –
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О Боже, волнения слезы
Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падаюшем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр.

Прощальный монолог, как и в «Августе», выражает сокровенные мысли героя: благодарность Творцу за свой жребий, за *бесценный подарок* – поэтический дар. Лирический герой Пастернака от волнения плачет и произносит последние слова как речь, по сути, – «нерукотворный памятник», «слово истины» для себя самого, для близких и для всех читателей. Интересно, что «представление о поэтической стихии как влаге... – одно из ключевых у Пастернака» [1. С. 217–218].

Мотив слез по поводу собственной смерти говорит о том, что, во-первых, слезы приобщают героя к миру, делают его частью природы, гармоничного миропорядка. Во-вторых, слезы соотносятся с творчеством (вспомним стихотворение «Февраль. Достать чернил и плакать...»): оплакивание своей смерти вызывает желание подвести итог поэтическому пути. В третьих, мотив слез позволяет увидеть собственную смерть словно со стороны, как закономерную часть жизни, и «найти слова» в ситуации, когда они уже почти невозможны.

Литература

1. Бройтман С.Н. Поэтика книги стихов Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». М., 2007.
2. Баевский В.С. История русской поэзии. 1730–1980: Компендиум. М., 2013. С. 261.
3. Мирошниченко О.С. Стихотворение Б. Пастернака «Август» как пространство жанровой борьбы // Известия Южного федерального университета. Филол. науки. 2012. № 4. С. 52.
4. Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М., 2001. С. 15.
5. Пастернак Б.Л. Собр. соч. В 5 т. М., 1989–1990.

Тверской государственный университет